Астрид Линдгрен

Знаменитый сыщик Калле Блюмквист

играет

Калле Блюмквист

Астрид Линдгрен

Знаменитый сыщик Калле Блюмквист играет

«Азбука-Аттикус»
1946

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Линдгрен А.

Знаменитый сыщик Калле Блюмквист играет / А. Линдгрен — «Азбука-Аттикус», 1946 — (Калле Блюмквист)

ISBN 978-5-389-08374-5

Кто из мальчишек не мечтал в детстве стать знаменитым сыщиком, таким, например, как Шерлок Холмс или Эркюль Пуаро? Не избежал этого и Калле Блюмквист, герой повести шведской писательницы Астрид Линдгрен. В своем стремлении поймать преступника в маленьком провинциальном городке он неожиданно нападает на след настоящего грабителя. У Калле своя команда – рыцари Белой розы, которые в любой момент готовы прийти ему на помощь. Но в какой-то момент мальчик начинает понимать, что увлекательная игра становится небезопасной…

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-389-08374-5

© Линдгрен А., 1946
© Азбука-Аттикус, 1946

Содержание

1 6
2 13
3 30
4 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Астрид Линдгрен
Знаменитый сыщик
Калле Блюмквист играет

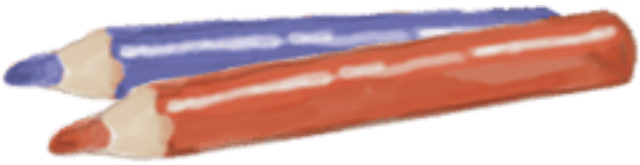
ASTRID LINDGREN
Mästerdetektiven Blomkvist
1946
First published in 1946 by Rabén & Sjögren, Sweden.
For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com.
All foreign rights are handled by The Astrid Lindgren Company, Lidingö, Sweden.
For more information, please contact info@astridlindgren.se

© Text: Astrid Lindgren,1946/The Astrid Lindgren Company
© Городинская-Валлениус Н., перевод на русский язык, 2018
© Гапей А., иллюстрации, 2018
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018
Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

1



– Кровь! Никакого сомнения! – воскликнул он, внимательно разглядывая в лупу красное пятнышко, потом перебросил трубку из одного угла рта в другой и вздохнул.

Разумеется, это кровь. Что же ещё может появиться, когда порежешь палец? Красное пятнышко могло стать неопровержимым доказательством того, что сэр Генри, решив избавиться от своей жены, совершил одно из самых страшных преступлений, с которым когда-либо приходилось сталкиваться сыщику. Но, к сожалению, это совсем не так. Просто сыщик нечаянно порезался, когда чинил карандаш, – такова горькая правда.

Так что сэр Генри тут совершенно ни при чём. Тем более что этого противного сэра Генри не существует в природе. Эх, до чего же обидно! Есть же счастливчики – рождаются в лондонских трущобах или в гангстерских кварталах Чикаго, где стрельба и убийства в порядке вещей. А он… Ка́лле неохотно оторвал взгляд от пятнышка и посмотрел в окно.

Улица, именуемая Большой, спокойно и безмятежно дремала на летнем солнце. Цвели каштаны. Не было видно ни одного живого существа, кроме булочникова кота, который сидел на краю тротуара и облизывал лапки. Даже намётанный глаз самого искусного сыщика не мог бы обнаружить ничего, что указывало бы на какое-нибудь преступление. Гиблое дело быть сыщиком в этом городишке! Когда он, Калле, вырастет, то при первой же возможности отправится в лондонские трущобы. А может быть, всё-таки предпочесть Чикаго? Отец хочет, чтобы Калле начал помогать в лавке. В лавке! Он? Ну нет! Ведь им тогда будет не житьё, а малина, всем этим бандитам и убийцам Лондона и Чикаго. Они же совсем распоясаются без присмотра! А Калле в это время будет стоять в лавке, сворачивать кульки и отвешивать мыло и дрожжи… Нет уж, он не собирается стать каким-то торгашом. Или сыщик или никто! Пусть отец выбирает. Шерлок Холмс, Асбьёрн Краг, лорд Питер Уимси, Эркюль Пуаро[1], Калле Блюмквист! Он щёлкнул языком. И он, Калле Блюмквист, намерен превзойти их всех!

– Кровь, никакого сомнения, – пробормотал он с довольным видом.

На лестнице раздался грохот. Секунду спустя дверь распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся, разгорячённый Андерс. Калле критически оглядел его и сделал кое-какие наблюдения.

– Ты бежал, – сказал он тоном, не терпящим возражений.

– Ясно, бежал. А ты думал, меня на носилках принесут, что ли? – раздражённо ответил Андерс.

Калле незаметно спрятал трубку. Не то чтобы он боялся, что Андерс застанет его курящим украдкой. Просто в трубке не было табака. Но вообще трубка сыщику необходима, когда он размышляет. Даже если в данный момент табак кончился.

– Может, пойдём погуляем? – спросил Андерс и плюхнулся на кровать Калле.

Калле кивнул. Разумеется, он пойдёт! Что бы там ни было, а он обязан хоть один раз обойти улицы – вдруг там появилось что-нибудь подозрительное? Конечно, существуют полицейские. Но он прочёл уже достаточно книг, чтобы знать, чего эти полицейские сто́ят. Они

[1] Имена наиболее известных в литературе сыщиков. *(Здесь и далее прим. пер.)*

не распознают убийцу, даже столкнувшись с ним нос к носу. Калле положил увеличительное стекло в ящик письменного стола, и они с Андерсом понеслись вниз по лестнице, сотрясая дом до самого основания.

– Калле, не забудь вечером полить клубнику!

Это мама выглянула из кухни. Калле успокаивающе помахал рукой. Да польёт он клубнику! Только попозже. Когда убедится, что по городу не шныряют тёмные личности с преступными намерениями. К сожалению, маловероятно, чтобы такие типы появились, но лучше быть начеку! А то получится как в фильме «Дело Бакстона». Уж, казалось бы, куда тише и безмятежнее городок, и вдруг – бац! – выстрел среди ночи, а потом – раз! – одно за другим четыре убийства. Негодяи на то и рассчитывают, что никому не придёт в голову заподозрить что-либо в таком маленьком городке в такой чудесный летний день. Да только они не знают Калле Блюмквиста!

В нижнем этаже находилась лавка. На вывеске надпись: «Бакалейная торговля Виктора Блюмквиста».

– Попроси у отца леденчиков, – сказал Андерс.

Калле и самому пришла в голову эта отличная мысль. Он просунул нос в дверь. Там за прилавком стоял Виктор Блюмквист собственной персоной. Это и был папа.

– Пап, я возьму немножко вон тех, полосатеньких?!

Виктор Блюмквист бросил нежный взгляд на своё белобрысое чадо и что-то добродушно промычал. Калле запустил руку в ящик с леденцами и помчался к Андерсу, который ждал его на качелях под грушевым деревом.

Но Андерс не выказал ни малейшего интереса к «тем, полосатеньким». С глупым выражением лица он уставился на какой-то предмет в саду булочника. Этим «предметом» была дочка булочника Ева-Лотта. Она сидела на качелях, в красном клетчатом платье, и, раскачиваясь, уплетала булочку. И, кроме того, она напевала, так как была разносторонне одарённой особой.

– Жила-была девчонка,
Звалася Жозефина,
Жозефина-фина-фина,
Жозе-жозе-жозе-фина…

Чистый, приятный голосок отчётливо доносился до Андерса и Калле. Калле рассеянно протянул Андерсу леденцы, безнадёжно глядя на Еву-Лотту. Андерс так же рассеянно взял один, не менее безнадёжно глядя на Еву-Лотту. Калле вздохнул. Он безумно любил Еву-Лотту. Андерс тоже. Калле твёрдо решил жениться на Еве-Лотте, как только скопит достаточно денег на обзаведение хозяйством. Андерс тоже. Но Калле не сомневался, что она предпочтёт именно его. Сыщик, на чьём счету около четырнадцати раскрытых преступлений, – пожалуй, похлеще, чем машинист, которым собирался стать Андерс.

Ева-Лотта качалась и пела, словно и не подозревала, что за ней наблюдают.

– Ева-Лотта! – позвал Калле.

– Всего-то у ней было
Что швейная машина,
Ма-шина-шина-шина-шина,
Ма-ма-ма-ма-шина-шина… —

невозмутимо продолжала распевать Ева-Лотта.

– Ева-Лотта! – крикнули хором Калле и Андерс.

– Ах, это вы! – сказала Ева-Лотта, весьма удивившись.

Она слезла с качелей и милостиво подошла к забору, отделявшему её сад от сада Калле. В заборе не хватало доски – это Калле её сам вынул, что было очень удобно – позволяло беспрепятственно беседовать через дыру, а также лазить в сад к булочнику, не утруждая себя обходными путями. Андерс втайне страдал от того, что Калле живёт рядом с Евой-Лоттой. Всё-таки как-то несправедливо. Сам он жил далеко, совсем на другой улице, где вместе с родителями и маленькими братишками и сестрёнками ютился в комнатке с кухней над отцовской сапожной мастерской.

– Ева-Лотта, пойдёшь с нами в город? – спросил Калле.

Ева-Лотта с наслаждением проглотила остаток булки.

– Почему бы нет! – Она стряхнула крошки с платья.

И они пошли.

Была суббота. Хромой Фредрик был уже навеселе и стоял, как обычно, возле дубильни, окружённый слушателями. Калле, Андерс и Ева-Лотта тоже подошли послушать, как Фредрик рассказывает о подвигах, которые он совершил на строительстве железной дороги в Нордланде.

Слушая, Калле внимательно смотрел по сторонам. Он ни на минуту не забывал о своём долге. Ничего подозрительного? Увы, ничего! Но ведь известно, не всегда можно доверять даже самой невинной внешности. Уж лучше быть начеку! Вон, например, плетётся по улице мужчина с мешком на спине…

– А вдруг, – зашептал Калле, толкая Андерса в бок, – а вдруг у него полный мешок краденого серебра?

– А вдруг нет? – отозвался Андерс нетерпеливо; ему хотелось послушать Хромого Фредрика. – А вдруг ты совсем рехнёшься в один прекрасный день со своими детективными штучками?

Ева-Лотта засмеялась. Калле промолчал. Он уже привык к тому, что его не понимают. Вскоре, как и следовало ожидать, подошёл полицейский и забрал Хромого Фредрика. Субботние вечера Фредрик обычно проводил в кутузке.

– Наконец-то! – сказал Фредрик с упрёком, когда полицейский Бьёрк заботливо взял его под руку. – Стой тут и жди вас целый час! Никак вы у себя порядка не наведёте.

Полицейский Бьёрк улыбнулся, сверкнув красивыми белыми зубами.

– Пошли, пошли, – сказал он.

Толпа слушателей рассеялась. Калле, Андерс и Ева-Лотта уходили неохотно. Они бы с удовольствием послушали Фредрика ещё.

– До чего каштаны красивые! – Ева-Лотта залюбовалась деревьями, выстроившимися вдоль Большой улицы.

– Да, неплохо, когда они цветут, – согласился Андерс. – Словно свечки горят.

Тишина и покой царили в городке. Казалось, можно было ощутить, как наступает воскресенье. Тут и там в садах виднелись накрытые столы. Люди уже умылись после рабочего дня, оделись по-праздничному и теперь ужинали. Они болтали и смеялись, явно наслаждаясь отдыхом среди осыпанных цветами фруктовых деревьев. Андерс, Калле и Ева-Лотта бросали

долгие взгляды в каждый сад, мимо которого проходили. Вдруг какая-нибудь добрая душа угостит их чем-нибудь? Нет, что-то не похоже…

– Чем бы заняться? – вздохнула Ева-Лотта.

В этот самый момент издали донёсся пронзительный свисток паровоза.

– Семичасовой идёт, – заметил Андерс.

– Я придумал, – сказал Калле. – Спрячемся за сиренью в саду у Евы-Лотты, привяжем к верёвочке свёрток и бросим его на улицу. Кто-нибудь подойдёт, увидит свёрток, захочет его взять, а мы ка-а-ак дёрнем за верёвку! Интересно посмотреть, какое у него будет лицо.

– Что ж, вполне годится для субботнего вечера, – заключил Андерс.

Ева-Лотта ничего не сказала, но одобрительно кивнула.

Свёрток изготовили быстро, всё необходимое для этого имелось в «Бакалейной лавке Виктора Блюмквиста».

– Можно подумать, в нём что-нибудь особенное, – заметила удовлетворённо Ева-Лотта.

– А теперь посмотрим, кто клюнет на эту удочку, – сказал Андерс.

Свёрток лежал на тротуаре и выглядел очень заманчиво. С первого взгляда было не так-то просто обнаружить, что он привязан к верёвке, исчезающей за кустами сирени в саду булочника.

Внимательный прохожий мог, конечно, уловить хихиканье и шёпот за кустами. Однако фру[2] Петронелла Апельгрен, владелица самого большого в городе колбасного магазина, которая сейчас как раз проходила по улице, была не настолько внимательна, чтобы заподозрить что-нибудь неладное. Но свёрток она всё же увидела. Наклонившись не без труда, она протянула к нему руку.

– Дёргай! – прошептал Андерс.

И Калле дёрнул. Свёрток мгновенно исчез за кустами. Теперь даже фру Апельгрен не могла не услышать приглушённого смеха. Она разразилась целым потоком бранных слов. Ребята расслышали не всё, но до них несколько раз донеслись слова «исправительный дом». Петронелла Апельгрен явно считала его самым подходящим местом для таких негодников.

За кустами воцарилась тишина. Фру Апельгрен выпустила последний залп брани и, ворча, отправилась дальше.

– Здо́рово! – сказала Ева-Лотта. – Интересно, кто следующий. Надеюсь, такой же злющий.

Но город словно вымер. Никто не появлялся, и компания за кустами совсем было собралась отказаться от своей затеи.

– Стойте! Там кто-то идёт, – быстро прошептал Андерс.

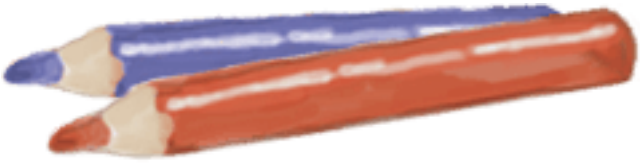
Из-за угла кто-то действительно появился и быстрыми шагами направился к калитке булочника. Это был высокий человек без шляпы, в сером костюме и с большим чемоданом в руке.

– Приготовиться! – скомандовал шёпотом Андерс, когда человек остановился перед свёртком.

И Калле приготовился. Но напрасно. Мужчина тихо свистнул и в следующую секунду наступил на свёрток.

[2] Фру – госпожа, замужняя женщина *(шв.)*.

2



– Так как же тебя зовут, прелестная сеньора? – немного погодя спросил мужчина Еву-Лотту, когда она вместе со своими телохранителями выползла из-за кустов.

– Ева-Лотта Лиса́ндер, – ответила она, ничуть не смутившись.

– Я так и думал, – сказал мужчина. – Знаешь, ведь мы старые знакомые. Я тебя видел, когда ты была ещё совсем маленькой. Ты тогда лежала в люльке, пускала слюни и целыми днями кричала и безобразничала.

Ева-Лотта нахмурилась. Она не могла себе представить, что когда-нибудь была такой маленькой.

– Сколько же тебе сейчас лет? – спросил мужчина.

– Тринадцать, – ответила Ева-Лотта.

– Тринадцать лет, и уже двое кавалеров. Один блондин, другой брюнет. Ты, по-видимому, любишь разнообразие, – сказал он, ехидно улыбаясь.

Ева-Лотта снова нахмурилась. Она не собиралась стоять здесь и выслушивать насмешки от человека, которого не знает.

– А вы кто? – спросила она и подумала, что кто бы он ни был, а в детстве тоже небось пускал слюни.

– Кто я? Я дядя Эйнар, двоюродный брат твоей мамы, прелестная сеньора. – Он дёрнул Еву-Лотту за светлый локон. – Кстати, как зовут твоих кавалеров?

Ева-Лотта представила Андерса и Калле. Чёрная и белая головы вежливо склонились перед дядей Эйнаром.

– Славные ребята, – сказал дядя Эйнар одобрительно. – Но не выходи за них замуж. Выходи лучше за меня. – И он загоготал. – Я построю тебе дворец, и ты там будешь бегать и играть с утра до вечера.

– Вы для меня слишком старый, – дерзко возразила Ева-Лотта.

Андерс и Калле чувствовали себя лишними. Что это ещё за долговязое несчастье свалилось на их головы?

«Посмотрим приметы», – сказал себе Калле. Он взял за правило запоминать приметы всех, кто встречался ему на пути. Разве можно заранее поручиться, что все они окажутся порядочными?

«Итак: волосы русые, зачёсаны назад, глаза карие, брови срослись, нос прямой, немного выступающие вперёд зубы, крупный подбородок, серый костюм, коричневые ботинки, шляпы нет, коричневый чемодан, называет себя дядей Эйнаром. Как будто всё. Да, вот ещё: маленький красный шрам на правой щеке».

Калле постарался запомнить все детали.

«Очень ехидный», – добавил он про себя.

– Послушай, пигалица, мама дома? – спросил дядя Эйнар.

– Да вон она!

Ева-Лотта показала на женщину, идущую через сад. Когда женщина подошла, стало видно, что у неё такие же светлые волосы и весёлые голубые глаза, как и у Евы-Лотты.

– Имею ли я честь быть узнанным? – Дядя Эйнар поклонился.

– Господи боже мой, неужели это ты, Эйнар? Тебя же тысячу лет не было! Откуда ты свалился?

Глаза фру Лисандер стали совсем круглыми от изумления.

– С луны, – ответил дядя Эйнар. – Чтобы встряхнуть вас немного в вашей глуши!

– И вовсе он не с луны, – сказала Ева-Лотта насупившись. – Он семичасовым приехал.

– Такой же шутник, как и раньше, – заметила фру Лисандер. – Но почему ты не написал, что намерен приехать?

– Ну нет, деточка! «Никогда не пиши о том, что можешь сообщить лично» – вот мой девиз. Ты же знаешь, какой я: что в голову взбредёт, то и делаю. Так и на этот раз, я подумал, что было бы неплохо взять небольшой отпуск, и тут вдруг вспомнил, что у меня есть очаровательнейшая кузина, которая живёт в очаровательнейшем городке. Ну как, примешь меня?

Фру Лисандер наскоро соображала. Не очень-то легко принимать гостей вот так вот, с бухты-барахты. Да ладно, пусть живёт в мансарде.

– А у тебя очаровательнейшая дочка, – сказал дядя Эйнар и ущипнул Еву-Лотту за щёку.

– Ой, не надо! – вскрикнула она. – Больно ведь!

– А я как раз и хотел, чтоб было больно, – ответил дядя Эйнар.

– Конечно, мы тебе рады, – сказала фру Лисандер. – Ты надолго в отпуск?

– Видишь ли, я ещё не знаю. Откровенно говоря, я собираюсь бросить свою теперешнюю работу. Думаю, уж не поехать ли мне за границу. У нас в стране человеку некуда податься, всё топчешься на месте.

– И вовсе нет! – горячо возразила Ева-Лотта. – Наша страна – самая лучшая в мире!

Склонив голову набок, дядя Эйнар посмотрел на Еву-Лотту.

– Как ты выросла, Ева-Лотточка! – сказал он.

И он опять загоготал, и этот смех уже определённо начинал надоедать Еве-Лотте.

– Чемодан тебе мальчики отнесут, – сказала фру Лисандер.

– Нет, нет, я сам.

Ночью Калле проснулся оттого, что его в лоб укусил комар. А раз уж он всё равно не спал, то не мешало проверить, не совершается ли поблизости какое-нибудь преступление.

Сначала Калле выглянул в окно на Большую улицу. Тихо, ни души… Тогда он посмотрел из-за шторы в другое окно, обращённое в сад булочника. Там, окружённый цветущими яблонями, стоял тёмный дом. Все спали, только в мансарде горел свет. На шторе чётко обозначилась тень мужчины.

«А, дядя Эйнар! Фу, как по-дурацки он себя вёл!» – подумал Калле.

Тень двигалась взад и вперёд, взад и вперёд без передышки. Определённо этот дядя Эйнар – беспокойная натура!

«И чего он там мечется?» – подумал Калле и тут же юркнул в свою уютную постель.

Уже в восемь часов утра в понедельник он услышал у себя под окном разбойничий посвист Андерса – условный сигнал троих друзей.

Калле мгновенно оделся. Впереди был новый чудесный день. Каникулы! Ни уроков, ни домашних заданий, только и дела, что поливать клубнику да следить, не появились ли по соседству преступники. Ни то ни другое не было особенно затруднительным.

Погода стояла чудесная. Калле выпил стакан молока, съел бутерброд и ринулся к двери. Мама не успела изложить и половины всех тех увещеваний и предупреждений, которые собиралась преподнести ему вместе с завтраком.

Теперь оставалось только вызвать Еву-Лотту. Калле и Андерс почему-то считали не совсем удобным просто пойти и позвать её. Строго говоря, дружить с девчонками вообще не полагалось. Но что делать? С ней всё куда интереснее. Ева-Лотта не из тех, кто пасует, особенно если затевается что-нибудь увлекательное. В храбрости и ловкости она не уступит ни одному мальчишке. Когда перестраивали водонапорную башню, Ева-Лотта забралась по лесам так же высоко, как Андерс и Калле. А когда полицейский Бьёрк увидел их и посоветовал сию же минуту спуститься вниз, Ева-Лотта совершенно спокойно уселась на самом краю доски, где у любого закружилась бы голова, и, смеясь, крикнула ему:

– Поднимитесь сюда и снимите нас!

Она никак не ожидала, что полицейский Бьёрк поймает её на слове! Однако он был лучшим гимнастом в добровольном спортивном обществе города, и залезть на леса к Еве-Лотте было для него делом нескольких секунд.

– Попроси папу, чтобы достал тебе трапецию, – сказал он. – Если ты свалишься с трапеции, будет хоть какая-то надежда, что ты не свернёшь себе шею!

Потом он крепко обхватил Еву-Лотту за талию и спустился с нею вниз. Андерс и Калле уже слезли сами, причём с удивительной скоростью.

С того раза ребята зауважали полицейского Бьёрка. И Еву-Лотту они тоже уважали, не говоря уже о том, что оба хотели жениться на ней.

– Шутка ли – так ответить полицейскому! Это не всякая девчонка смогла бы да и не всякий парень! – заметил тогда Андерс.

Или взять хотя бы тот тёмный осенний вечер, когда они устроили «концерт» этому зловредному бухгалтеру, который так мучает свою собаку. Они воткнули в замазку его окна иголку с ниткой, и Ева-Лотта водила по нитке канифолью до тех пор, пока невыносимое дребезжание стекла окончательно не вывело бухгалтера из себя. Он выскочил из дома и чуть не схватил

Еву-Лотту. Но она живо перепрыгнула через изгородь и побежала к Боцманскому переулку, где её поджидали Андерс и Калле.

Нет, на Еву-Лотту можно положиться, в этом Калле и Андерс не сомневались.

Андерс снова засвистел по-разбойничьи в надежде, что Ева-Лотта его услышит. Она услышала и вышла. Но в двух шагах за нею плёлся дядя Эйнар.

– Можно маленькому послушному мальчику тоже поиграть с вами? – спросил он.

Калле с Андерсом так и опешили.

– Например, в «Казаков-разбойников», – заржал дядя Эйнар. – Я буду разбойником.

– Фу! – сказала Ева-Лотта.

– Или пойдём посмотрим развалины замка, – предложил дядя Эйнар. – Они, наверное, ещё сохранились?

Разумеется, сохранились. Развалины были величайшей городской достопримечательностью. Все туристы прежде всего ходили смотреть развалины, а уже потом потолочную роспись в церкви. Хотя в город, конечно, приезжало не так уж много туристов.

Развалины находились на холме, возвышаясь над городком. Когда-то, в давно минувшие времена, некий вельможа построил здесь замок, а затем рядом с ним постепенно вырос городок. Он продолжал жить и процветать, а от старинного замка остались теперь только живописные руины.

Калле, Андерс и Ева-Лотта ничего не имели против прогулки к замку. Это было одно из их излюбленных убежищ. В мрачных залах хорошо было играть в прятки, но ещё интереснее защищать крепость от штурмующего врага.

Дядя Эйнар быстро шёл вверх по извилистой тропинке. Калле, Андерс и Ева-Лотта вприпрыжку поспевали следом. Время от времени они украдкой переглядывались и многозначительно подмигивали друг другу.

– Я бы дал ему ведёрко и лопатку, пусть сидит себе где-нибудь да играет, – прошептал Андерс.

– Так он и согласился! – возразил Калле. – Нет уж, если взрослым приспичит играть с детьми, их ничто не удержит, заруби себе это на носу!

– Им обязательно подай какое-нибудь развлечение – вот в чём дело, – сказала Ева-Лотта. – Но он как-никак мамин двоюродный брат, так что придётся с ним повозиться, а то ещё раскапризничается. – Ева-Лотта довольно прыснула.

– А вдруг у него длинный отпуск? Это ж с ума сойдёшь! – произнёс Андерс.

– Ничего, он должен скоро за границу уехать, – утешила его Ева-Лотта. – Ты же слышал, он сам сказал, что в этой стране ему не жизнь.

– По мне, пусть едет, я не запла́чу, – заметил Калле.

Вокруг развалин цвели густые заросли шиповника. Гудели шмели. В жарком воздухе дрожало марево, но в замке было прохладно. Дядя Эйнар огляделся и остался вполне доволен.

– Жалко, что нельзя попасть в подземелье, – сказал Андерс.

– Почему нельзя? – поинтересовался дядя Эйнар.

– Там теперь толстенная дверь, и она заперта, – объяснил Калле. – Внизу, должно быть, много всяких переходов и закоулков и очень сыро, вот они и не хотят, чтобы кто-нибудь туда ходил. А ключ, кажется, у бургомистра.

– Там уже столько людей ноги переломали, падая, – добавил Андерс. – А один ребёнок чуть не заблудился. С тех пор туда никого и не пускают. А жалко: как было бы здорово!

– Вам правда хочется туда пойти? – спросил дядя Эйнар. – А то я, пожалуй, могу вам это устроить.

– Ой, а как? – удивилась Ева-Лотта.

– А вот так, – ответил дядя Эйнар.

Он вынул из кармана какую-то штучку, немного повозился с замком, и дверь со скрипом отворилась. Поражённые дети смотрели то на дядю Эйнара, то на дверь. Чистое колдовство!

– Как же это? Можно мне посмотреть? – Калле сгорал от нетерпения.

Дядя Эйнар показал маленький металлический предмет.

– Это что, отмычка? – спросил Калле.

– Она самая, – ответил дядя Эйнар.

Калле был на седьмом небе. Он так много читал об отмычках и ни разу ни одной не видел.

– Можно мне её подержать? – попросил он.

Калле благоговейно взял отмычку, потрясённый величием момента, но тут же насторожился: в книгах с отмычками ходили главным образом всякие подозрительные личности. Этот вопрос требовал ясности.

– А почему у вас отмычка? – спросил он.

– Потому что я не люблю запертых дверей, – сухо ответил дядя Эйнар.

– Ну, пойдёмте же вниз, – позвала Ева-Лотта. – Есть вещи поинтереснее ваших отмычек, – добавила она, словно всю жизнь только и делала, что открывала замки отмычками.

Андерс уже спускался по полуразрушенной лестнице в подземелье. Его карие глаза горели жаждой приключений. До чего здорово! Подумаешь, какая-то отмычка… Вот старинные темницы – это да! Казалось, стоит только прислушаться – и услышишь звон цепей, которыми были скованы несчастные узники сотни лет назад.

– Надеюсь, тут нет привидений, – заметила Ева-Лотта, спускаясь по лестнице и робко озираясь по сторонам.

– Кто его знает! – сказал дядя Эйнар. – А вдруг выскочит старое, замшелое привидение да как ущипнёт тебя! Вот так!

– Ай! – вскрикнула Ева-Лотта. – Перестаньте щипаться! Ну вот, теперь будет синяк, уж я знаю.

Она возмущённо растирала себе руку. Калле и Андерс шныряли вокруг, как две ищейки.

– Вот если бы можно было остаться тут сколько хочешь, – мечтательно произнёс Андерс, – и начертить план всего подземелья, а потом устроить здесь тайник.

Он заглянул в тёмные переходы, разветвлявшиеся в разные стороны.

– Здесь можно искать человека две недели, и всё без толку. Самое подходящее место, если ты натворил что-нибудь и хочешь спрятаться.

– Ты так думаешь? – спросил дядя Эйнар.

Калле ходил и вынюхивал что-то, чуть не тычась носом в землю.

– Послушай, что это ты делаешь? – удивился дядя Эйнар.

Калле слегка покраснел.

– Я хотел посмотреть, может, остались какие-нибудь следы после тех бедняг, которые сидели здесь в тюрьме.

– Чудак ты, здесь же с тех пор перебывало столько народу! – сказала Ева-Лотта.

– Дядя Эйнар, наверное, ещё не знает, что Калле у нас – сыщик? – В голосе Андерса послышались насмешка и превосходство.

– Да что ты говоришь? А я и не знал!

– Да, и притом один из лучших на сегодняшний день.

Калле мрачно посмотрел на Андерса.

– Никакой я не лучший, – сказал он. – Просто мне нравится думать про всякие такие вещи. Ну, про бандитов там, как их ловят… Что ж тут плохого?

– Абсолютно ничего, мой мальчик! Желаю тебе поскорее изловить целую шайку преступников. Знай себе вяжи в пачки и отправляй в полицию!

Дядя Эйнар загоготал. Калле возмутился, но виду не подал. Никто не воспринимает его всерьёз…

– Не забивай себе голову, – сказал Андерс. – Самое большое преступление было совершено в этом городе Хромым Фредриком. Это когда он в воскресный день стащил из ризницы кружку с пожертвованиями. Да и то он её тут же вернул, как только протрезвел.

– А теперь он каждую субботу и воскресенье проводит в кутузке, так что кружка в безопасности, – со смехом подхватила Ева-Лотта.

– Не то Калле устроил бы засаду и схватил его на месте преступления! – не унимался Андерс. – Был бы хоть один жулик на твоём счету.

– Ну ладно, не будем обижать господина знаменитого сыщика, – вмешался дядя Эйнар. – Вот увидите, в один прекрасный день он ещё себя покажет – засадит за решётку кого-нибудь, кто стянет шоколадку в магазине его папы.

Калле так и кипел от злости. Он ещё мог допустить, чтобы над ним подшучивал Андерс или Ева-Лотта, но уж никто другой, и меньше всего этот зубоскал дядя Эйнар.

– Да, милый Калле, – сказал дядя Эйнар, – ты далеко пойдёшь, если тебя не остановят! Э, нет, это ты брось! – Последние слова относились к Андерсу, который, достав огрызок карандаша, приготовился расписаться на каменной стене.

– А почему нет? – удивилась Ева-Лотта. – Давайте распишемся и число поставим! Может, мы придём сюда ещё раз, когда станем совсем-совсем старыми, и нам стукнет лет по двадцать пять! Вот здорово будет, когда мы найдём здесь наши имена!

– Да, это напомнит нам об ушедшей молодости, – важно произнёс Андерс.

– Ладно, делайте что хотите, – сказал дядя Эйнар.

Калле всё ещё дулся и сначала не хотел писать вместе со всеми, но потом передумал, и скоро на стене выстроились в ряд их имена: Ева-Лотта Лисандер, Андерс Бенгтсон, Калле Блюмквист.

– Дядя Эйнар, а вы разве не напишете своё имя? – поинтересовалась Ева-Лотта.

– Нет уж, я лучше воздержусь. Кстати, здесь холодно и сыро, а это совсем не полезно для моих старых костей. Айда на солнышко!.. И вот ещё что, – сказал дядя Эйнар, когда за ними захлопнулась дверь, – нас здесь не было, понятно? Чтоб не болтать!

– Как так – никому не говорить?! – возмутилась Ева-Лотта.

– Ни в коем случае, прелестная сеньора! Это государственная тайна, – заявил дядя Эйнар. – И не вздумай забыть об этом, а то я опять тебя ущипну!

– Только попробуйте! – огрызнулась Ева-Лотта.

Солнце ослепило их, когда они выбрались из-под тёмных сводов старого замка, жара казалась почти невыносимой.

– А что, если я попробую завоевать ваше расположение, предложив вам пирожные и лимонад? – сказал дядя Эйнар.

Ева-Лотта милостиво кивнула:

– Вас иногда посещают дельные мысли!

Они устроились в открытом кафе за столиком возле перил, над самой рекой. Отсюда можно было бросать крошки прожорливым окункам, которые оказывались тут как тут, приплывая со всех сторон и от жадности чуть ли не выскакивая из воды. Высокие липы давали приятную тень, и когда дядя Эйнар заказал целое блюдо пирожных и три стакана лимонада, даже Калле смирился с его присутствием в городе.

Дядя Эйнар покачался на стуле, бросил окункам несколько крошек, побарабанил пальцами по столу, немного посвистел и наконец сказал:

– Ешьте сколько влезет, только поскорее! Мы не можем здесь сидеть весь день.

«Чудной он какой… – подумал Калле. – Непоседливый и вечно куда-то торопится».

Он всё больше и больше убеждался в том, что дядя Эйнар беспокойная натура. Сам Калле готов был сидеть здесь сколько угодно, наслаждаясь пирожными, игрой весёлых окуньков, солнцем и музыкой. Он не понимал, зачем куда-то спешить, если и здесь так хорошо.

Дядя Эйнар посмотрел на часы.

– Стокгольмские газеты, наверное, уже пришли, – оживился он. – Слушай, Калле, ты молодой и шустрый, сбегай-ка купи мне газету!

«Вот ещё! Так и побежал!» – подумал Калле. Но вслух сказал:

– Андерс гораздо моложе и шустрее меня.

– Правда?

– Да, он родился на пять дней позже, хотя, конечно, он не такой воспитанный, – сказал Калле и поймал крону, брошенную ему дядей Эйнаром.

«Но уж во всяком случае я сначала просмотрю газету сам, – решил он, отходя от киоска. – Хотя бы заголовки и картинки».

Так… Всё как обычно. Сначала ужасно много про атомную бомбу, потом сплошь политика (и кто это только читает!), потом «Автобус врезался в поезд», «Грубое нападение на пожилого мужчину», «Бодливая корова сеет панику», «Крупная кража драгоценностей…» и «Почему растут налоги?».

«Ничего особенного», – заключил Калле.

Но дядя Эйнар жадно схватил газету. Торопливо просмотрев её, он отыскал раздел «Последние новости» и настолько углубился в чтение, что даже не расслышал, как Ева-Лотта спросила, можно ли ей взять ещё пирожное.

«Чем это он так увлёкся?» – подумал Калле. Его так и подмывало заглянуть через плечо дяди Эйнара, но он не был уверен, что тому это понравится.

По-видимому, дядю Эйнара заинтересовала только одна заметка, так как он вскоре отбросил газету и не стал её брать с собой, когда они сразу после этого ушли из кафе.

На Большой улице дежурил полицейский Бьёрк.

– Привет! – крикнула ему Ева-Лотта.

– Здравствуй, – ответил Бьёрк и отдал честь. – Ты ещё ниоткуда не свалилась и не сломала себе шею?

– Пока нет. Но завтра я собираюсь залезть на вышку в городском саду, так что кто знает! Если, конечно, полицейский Бьёрк не придёт и не снимет меня с вышки.

– Придётся прийти, – сказал Бьёрк и опять отдал честь.

Дядя Эйнар дёрнул Еву-Лотту за ухо.

– Вот как, ты водишь дружбу с полицией?

– Ой, не надо! – вскрикнула Ева-Лотта. – А разве он не жутко красивый?

– Кто? Я? – спросил дядя Эйнар.

– Да нет же, Бьёрк, разумеется.

Около скобяной лавки дядя Эйнар остановился.

– Ну пока, ребята, – сказал он. – Мне надо сюда на минутку.

– Наконец-то! – с облегчением вздохнула Ева-Лотта, когда он исчез.

– Да уж! Хоть он и угощает пирожными, а всё-таки при нём как-то не так, – согласился Андерс.

Потом Андерс и Ева-Лотта, стоя на мосту, соревновались, кто дальше плюнет. Калле в состязании не участвовал. Ему вдруг вздумалось проследить, что же дядя Эйнар купит в скобяной лавке. «Азбука сыскного дела», – сказал он себе. Ведь о человеке можно узнать довольно много уже по тому, что он покупает в скобяных лавках.

«Если дядя Эйнар выберет электрический утюг, – рассуждал Калле, – значит, он натура хозяйственная, а если купит санки, тогда… тогда он не в своём уме! Ибо какая польза человеку от санок летом, ведь снег только на картинке и увидишь! Но я готов биться об заклад, что он пошёл в лавку не за санями!»

Калле остановился у витрины и заглянул внутрь. Дядя Эйнар стоял у прилавка. Продавец как раз что-то ему показывал. Калле заслонил рукой глаза от солнца, чтобы лучше видеть. Ах, вот оно что – карманный фонарик!

Калле ломал голову: зачем, зачем дяде Эйнару карманный фонарик? Посреди лета, когда ночью почти так же светло, как и днём! Сначала отмычка, теперь вот карманный фонарик! Разве всё это не в высшей степени странно?

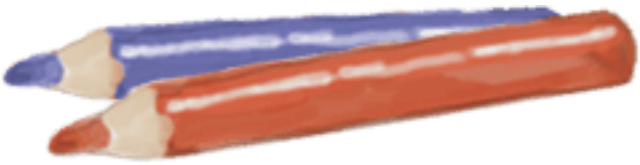
«Итак, дядя Эйнар весьма подозрительная особа», – заключил Калле. Но Калле Блюмквист не из тех, кто позволит всяким подозрительным личностям шляться тут бесконтрольно. Отныне дядя Эйнар будет находиться под особым наблюдением Калле Блюмквиста!

Вдруг он вспомнил про газету. Если подозрительная личность усиленно интересуется чем-то в газете, это тоже настораживает и требует выяснения. Азбука сыскного дела!

Он помчался обратно в кафе. Газета лежала на столе. Калле взял её и сунул за пазуху. Надо бы её приберечь! Даже если сейчас и не дознаться, что же читал с таким интересом дядя Эйнар, то в дальнейшем эта газета может пригодиться.

И знаменитый сыщик Блюмквист отправился домой и полил клубнику, очень довольный собой.

3



– Надо что-то придумать, – сказал Андерс. – Не можем ведь мы вот так болтаться без дела всё лето. Что бы это изобрести?

Он запустил руку в свою густую чёрную шевелюру и стал напряжённо думать.

– Пять эре за хорошую идею, – объявила Ева-Лотта.

– Цирк… – неуверенно произнёс Калле. – Мы устроим цирк?

Ева-Лотта спрыгнула с качелей.

– Пятак твой! Давайте сразу и начнём!

– А где? – спросил Андерс.

– Да в нашем саду, – решила Ева-Лотта. – Где ж ещё?

Сад булочника и вправду годился для всего на свете, так почему же не устроить в нём цирк?

Перед домом Лисандеров красовались роскошные клумбы и расчищенные дорожки. Зато позади дома, где сад постепенно спускался к реке, он рос сам по себе. Лучшего места для игр и не придумать! Ровная площадка, поросшая короткой травой, отлично подходила и для футбола, и для крокета, и для всяких спортивных упражнений. Здесь же поблизости находилась пекарня. Над этой частью сада постоянно витал волшебный запах свежеиспечённого хлеба, который удивительно приятно перемешивался с ароматом сирени. И если терпеливо и настойчиво крутиться возле пекарни, то можно было дождаться, пока папа Евы-Лотты высунется в окно в своём белом колпаке и спросит, не хочет ли кто свежую булочку или крендель.

А поближе к реке росли два старых вяза, словно созданных для того, чтобы на них лазить. Можно было без особого труда забраться на самую макушку, откуда открывался отличный вид на город. Вот речка серебряной лентой вьётся меж старых домов, вон сады и маленькая деревянная часовенка, а там вдали, на холме, – развалины замка…

Речка служила естественной границей сада булочника. Над самой водой простирала свои ветви корявая ветла, с которой очень удобно было удить рыбу. Друзья часами сидели здесь, и Ева-Лотта, разумеется, захватывала самое лучшее место.

– Цирк должен быть возле пекарни, – сказала Ева-Лотта. – У задней стены.

Калле и Андерс одобрительно кивнули.

– Найдём брезенты, отгородим площадку, поставим на ней скамейки для зрителей, и можно начинать! – выпалил Андерс.

– А может быть, прежде всё-таки приготовить несколько номеров? – насмешливо заметил Калле. – Думаешь, стоит тебе выйти, как все зрители помрут со смеху! Впрочем, такому шуту и готовиться не надо! Но ведь в настоящую программу надо включить акробатику и ещё что-нибудь.

– Я буду наездницей! – воскликнула Ева-Лотта. – Возьму нашу лошадь, которая хлеб возит. Красота! – И она послала воздушный поцелуй воображаемой публике. – Высшая школа верховой езды, наездница Ева-Шарлотта! Звучит? – сказала она.

Калле и Андерс смотрели на неё с обожанием. Ещё бы, конечно, звучит! И цирковые артисты со всем пылом и рвением взялись за работу.

Да, лучше места, чем то, которое предложила Ева-Лотта, и не найти! Южная стена пекарни вполне подходила как фон для цирковых номеров, а размеры площадки, покрытой травой, вполне позволяли разместить и зрителей, и арену. Недоставало только брезента, который служил бы им занавесом.

Хуже обстояло дело с артистическими уборными. Но находчивая Ева-Лотта быстро нашла выход. Над пекарней тянулся чердак, большой люк под самой крышей позволял подавать туда вещи прямо со двора.

– А раз можно туда подавать, значит, можно оттуда и выгружать, – сказала Ева-Лотта. – Вот мы и будем выгружаться. Привяжем верёвку наверху и будем съезжать по ней, когда подойдёт очередь выступать. А когда номер кончится, убежим тихонечко, чтобы зрители не заметили, вернёмся по внутренней лестнице на чердак и будем ждать следующего выхода. Это же страшно оригинально, разве нет?

– Да, страшно оригинально, – согласился с ней Андерс. – А если ты ещё и лошадь сумеешь уговорить съезжать по верёвке, тогда уж будет просто жутко оригинально. Но это, пожалуй, потруднее. Она хоть и укрощённая и послушная, но есть же, в конце концов, и для лошади предел!

Об этом Ева-Лотта не подумала. Так или иначе, она не собиралась совсем отказываться от своей блестящей идеи.

– Когда будет мой выход, один из вас станет конюхом, проведёт лошадь через зрительный зал на арену и поставит её под чердачным люком. А потом – хлоп! – я съеду ей на спину.

Подготовка развернулась полным ходом. Калле одолжил у отца брезенты. Андерс съездил на велосипеде за город на дровяной склад и купил там мешок опилок, чтобы посыпать арену. Затем привязали верёвку на чердаке, и трое артистов принялись съезжать вниз. Они так усердно упражнялись, что чуть не позабыли обо всём остальном. В самый разгар вдруг появился дядя Эйнар.

– Как это он целых полдня пробыл один? – шепнула Ева-Лотта мальчикам.

– А ну-ка, кто сбегает с письмом на почту? – крикнул дядя Эйнар.

Ребята переглянулись. Ни у кого из них не было особой охоты. Но тут в Калле заговорило чувство долга. Дядя Эйнар – личность подозрительная, а переписка подозрительных личностей требует контроля.

– Я сбегаю! – крикнул он.

Ева-Лотта и Андерс были приятно удивлены. Калле схватил письмо и помчался. Скрывшись из виду, он тотчас взглянул на адрес.

На конверте было написано: «Фрёкен[3] Лола Хельберг, Стокгольм, до востребования».

«До востребования» означало, что адресат сам должен получить письмо на почтамте, это Калле знал.

«Подозрительно, – подумал Калле. – Почему он не пишет ей прямо на дом?»

Он достал свою записную книжку и раскрыл её. В верхней части страницы был «Список подозрительных лиц». Раньше этот список охватывал немалое количество «лиц», но потом Калле скрепя сердце вынужден был повычёркивать их одного за другим. Ему так и не удалось ни одного из них уличить в чём-либо преступном.

Теперь в списке числился всего один человек – дядя Эйнар. Его имя было подчёркнуто красным, а ниже аккуратно перечислялись приметы. За приметами следовал раздел: «Особо подозрительные обстоятельства», где значилось: «Имеет отмычку и карманный фонарик». У Калле, разумеется, тоже был карманный фонарик, но это же совсем другое дело!

Выудив из кармана огрызок карандаша, Калле прислонился к забору и дописал: «Ведёт переписку с фрёкен Лолой Хельберг, Стокгольм, до востребования». Затем он добежал до ближайшего почтового ящика и через минуту уже вернулся в «Калоттан» – так по зрелом размышлении решено было назвать новый цирк.

– А что это значит? – спросил дядя Эйнар.

– Неужели непонятно? «Ка» – Калле, «Лотт» – Ева-Лотта. «Ан» – Андерс, – ответила Ева-Лотта. – Кстати, вам нельзя смотреть, как мы репетируем.

[3] Барышня, девица *(шв.)*.

– Очень жестоко с вашей стороны. Что же я буду целый день делать?

– Пойдите рыбку поудите, – предложила ему Ева-Лотта.

– Ты что, хочешь, чтобы у меня сделался нервный припадок?

«Чрезвычайно беспокойная натура», – подумал Калле.

Но Ева-Лотта была неумолима. Она безжалостно выпроводила дядю Эйнара, и репетиция цирка «Калоттан» продолжилась полным ходом. Андерса, как самого сильного и ловкого, выбрали директором цирка.

– Но и я тоже хочу немножко распоряжаться, – объявила Ева-Лотта.

– Ну уж нет. Раз я директор, значит, всё.

Директор Андерс твёрдо решил создать действительно хорошую акробатическую труппу и заставил Калле и Еву-Лотту тренироваться несколько часов подряд.

– Ну вот, – удовлетворённо сказал он под конец.

Ева-Лотта, одетая в голубой спортивный костюм, с гордой улыбкой выпрямилась. Она стояла одной ногой на плече Андерса, а другой на плече Калле. Мальчики в свою очередь упирались широко расставленными ногами в зелёную доску качелей, и Ева-Лотта очутилась на такой высоте, что ей даже стало немного не по себе. Но она бы скорее умерла, чем призналась, что у неё душа уходит в пятки, когда она смотрит вниз.

– Было бы здорово, если бы ты хоть немного постояла на руках, – выдавил из себя Андерс, силясь удержать равновесие. – Зрителям бы это понравилось.

– Было бы здорово, если бы ты посидел на своей собственной голове, – сухо ответила Ева-Лотта. – Зрителям бы это понравилось куда больше.

Внезапно в саду послышался ужасающий визг, душераздирающий вопль существа, попавшего в величайшую беду.

Ева-Лотта вскрикнула и с риском для жизни спрыгнула вниз.

– Ой, что это? – сказала она.

Все трое опрометью выбежали из цирка. В следующее мгновение навстречу им, сопровождаемый страшным грохотом, выкатился серый клубок. Это он издавал такие невероятные вопли. Так ведь это же Туссе, котёнок Евы-Лотты!

– Туссе, Туссе, что же это? – всхлипывала Ева-Лотта. Она схватила котёнка, хотя тот царапался и кусался. – Смотрите… Как не стыдно! Кто-то привязал эту штуку, чтобы напугать его до смерти!

К хвосту котёнка была привязана бечёвка, на которой болталась консервная банка.

Ева-Лотта разрыдалась.

– Если бы я только знала, кто это сделал, я бы…

Она подняла глаза. В двух шагах от неё стоял дядя Эйнар и весело смеялся.

– Ох, вот умора! – сказал он. – В жизни ещё так не смеялся!

Ева-Лотта шагнула к нему:

– Это вы сделали?

– Что – сделал? Нет, вы видали когда-нибудь такие прыжки? Зачем ты отвязала банку?

Ева-Лотта закричала и кинулась на него. Заливаясь слезами, она дубасила дядю Эйнара кулаками куда попало.

– Это ужасно, подло, я вас ненавижу!

Смех прекратился, лицо дяди Эйнара исказилось от злобы. Странная перемена испугала Калле и Андерса, неподвижно стоявших в стороне. Дядя Эйнар схватил Еву-Лотту за руки и прошипел:

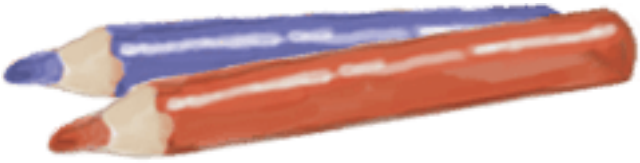
– Потише, девчонка! Не то я из тебя яичницу сделаю!

Ева-Лотта прерывисто задышала. Руки её бессильно упали – так крепко стиснул их дядя Эйнар. Она смотрела на него со страхом. Он отпустил её и немного смущённо пригладил свои волосы. Потом улыбнулся и сказал:

– Что это на нас нашло? Схватились, точно боксёры! И вообще, о чём речь? По-моему, первый раунд ты выиграла по очкам, Ева-Лотта!

Ева-Лотта не произнесла ни слова. Она взяла котёнка, повернулась и ушла.

4



Калле никак не мог уснуть – комары в комнате не давали. И вот сейчас его опять разбудил какой-то крылатый паршивец.

– Кровососы! – пробормотал он. – И кто их только выдумал!

Он почесал подбородок. Потом взглянул на часы. Скоро час. Все порядочные люди в такое время давно уже спят!

«Кстати, – сказал он себе, – интересно, спит этот кошачий палач или нет?»

Он тихонько подошёл к окну и выглянул. В мансарде горел свет.

«Если бы он побольше спал, то, пожалуй, не был бы такой беспокойной натурой, – подумал Калле. – А если бы он не был такой беспокойной натурой, то, пожалуй, спал бы больше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.